

Библиофил

О.А. Уроженко

Визуальные образы книги «Музей и его директор»*

Современность выхода в свет этой книги трудно переоценить. 2009 год, год двадцатилетия Международного Центра Рерихов (бывшего Советского Фонда Рерихов), – важный рубеж в духовной истории нашей Родины, а по закону всеобщего единства мира – и многих народов планеты. Уникальное, эволюционно значимое наследие старших Рерихов, согласно их завещанию, двинулось по лицу Земли из Индии на Север, в Россию, чтобы создать и обрести в Москве свой новый Дом, заложить основы принципиально нового геокультурного пространства, чтобы строить, структурировать новый топос – «месторазвитие», согласно философии космической реальности. Нам еще предстоит конкретизировать, собрать и отобрать свидетельства разворотов истории, связанных с этим обстоятельством. Но уже сейчас в контексте энергетического мировоззрения можно констатировать: двадцать лет наследия Рерихов в России, двадцать лет жизни первого

*Музей и его директор / Автор-составитель Н.Г. Войченко. М.: Спец-Адрес, 2009.

столь масштабного общественного Центра-Музея есть вполне состоявшийся факт истории, поле смыслообразующей деятельности которого ориентировано на целостность исторической системы человек – Земля – Вселенная, Космос.

Общий принцип построения этого юбилейного издания не нов: размещение визуального материала блоками было открыто Людмилой Васильевной Шапошниковой и широко введено в оформление книг последнего десятилетия. То, что мы называем иллюстрациями, не является здесь ни приложением, ни самостоятельным альбомом. Это особый визуальный текст, углубляющий написанное, усиливающий его документальный характер, а главное – вводящий утраченный было древний метод познания – «изучение соответствий и аналогий»² – в современную гносеологию. Таким образом как будто пассивное чтение, восприятие, усвоение книги превращается в интерактивный процесс; изображение и слово прокладывают пути познавательного синтеза.

В закомпонованных фотосериях А.В. Клюева, А.А. Прохорычева, Д.Ю. Дюковой очевидно выделяются различные подходы к снимаемой натуре. Прежде всего эти фотографии – своеобразная протокольная фиксация, инвентарное описание: мы видим здание, залы, картины, скульптуры, витрины мемориально-вещевого фонда и т.п. В снимках этого рода не обязательно присутствие образного начала. Хотя раздел, связанный с уникальным восстановлением полуразрушенной Усадьбы Лопухиных, где размещается Центр-Музей, сопоставление того, что было, и того, что стало, – очень выразителен. Здесь неожиданно в визуальных образах буквализируется известная фраза Бетховена: «Жизнь есть трагедия. Ура!» И невольно ловишь себя на восклицании «Ура», с его санскритским корнем «Ур» – Свет. Словно распаивается дверь, вход, Путь из трагической разрухи в творчество восстановления, созидания, в Жизнь.

На фоне постановочных фотографий, связанных с научной библиотекой и работой читального зала, выделяется документальный цикл, показывающий повседневную жизнь отделов рукописей, публикаторского, передвижных выставок и выставок художников-космистов, развития музея, изобразительного и мемориально-вещевого фонда, Объединенного Научного Центра проблем космического мышления, Международного центра гуманной педагогики, творческой мастерской молодых ученых, – то есть фотографии, освещающие дни труда, борьбы и побед Центра-Музея.

Среди документалистики нельзя не отметить серию «Дети нового сознания». Здесь нет технических трюков или композиционных новаций. Представлены традиционные фотопортреты: дети говорят, слушают, думают. Но каждый – это образ, это личность, и, несмотря на юный возраст, каждый – это духовная биография!

Кульминацией, фокусом визуального решения книги являются фотосессии, связанные с генеральным директором Центра-Музея Людмилой Васильевной Шапошниковой. Здесь есть просто шедевры; отбор и компоновка выгодно подчеркивают, оттеняют их. На детских снимках – простое, чистое, как будто ничем не примечательное лицо. Иное дело – фотографии студенческих лет; здесь сквозь «телесную материю» отчетливо проступают, проявляются, становятся очевидными два важнейших ее качества, две грани ее духа. Прежде всего – поразительная способность к глубокой внутренней сосредоточенности. Снимок в библиотеке МГУ, сделанный фотографом для университетской многотиражки, не имеет ни малейшего следа постановочности. Эта девушка с косой, сдержанная, искренняя, полная скрытого достоинства, полностью погружена в работу над книгой. О другой грани индивидуальности свидетельствует открытая, заразительная улыбка – от всего сердца! Отблески ее лежат на лицах друзей («В археологической экспедиции, Хорезм», «На раскопках в Хорезме»).

Эти же черты сохранили фотографии, сделанные в ранние годы пребывания Людмилы Васильевны в Индии. Серьезное, удивительно одухотворенное лицо на снимке с индийскими студентами и тут же рядом – распахнутая, обезоруживающая своей искренностью улыбка. И вновь все, кто находится рядом с Людмилой Васильевной, оказываются в плену этого всплеска духа.

Снимок «Среди племени Тода» – свидетельство некоего глубокого исторического родства, родства сквозь времена и этапы развития человечества, родства по вертикали вечных духовных ценностей, преемственности по человеческому достоинству, по естественности, свободе и всей полноте взятой на себя ответственности. Изображены вожди племени и Людмила Васильевна. Как равная среди равных, своя среди своих!

Особое место занимает фотография Шапошниковой, сделанная С.Н. Рерихом на празднике в долине Кулу. Одна! устремленная! среди пустого, свободного пространства переднего плана и мелкой людской массы в фоне. Это портрет ее Судьбы. Это – прозрение пути одинокого героя.

² Рерих Е.И. У порога Нового Мира. М.: МЦР, 2000. С. 235, 272, 287–288.

Композиция снимка корреспондирует с картиной Святослава Николаевича, изображающей Дуссеру в Кулу: одинокая, развернутая вправо полуфигура вождя изображена крупно на переднем плане, он всматривается вдаль, мыслью прозревая, творя пути в будущее. Пестрая, шумная толпа сзади, идущая влево, символизирует, согласно философскому наследию семьи Рерихов, предыдущий виток спирали эволюционного развития. Вождь, герой, лидер и народ, толпа, масса – два трагически совмещаемые историей отрезка одного витка спирали.

В качестве необычного, «косвенного», портрета Людмилы Васильевны может быть понят снимок, сделанный ею самой и запечатлевший... Святослава Николаевича Рериха. Среди фотоиконографии художника это изображение выделяется редкими свойствами духа, когда-либо остановленными, схваченными камерой. Тончайшее, легкое как дуновение ветерка струение живой жизни Его духа зафиксировано фотографом. Но на кого так ласково, нежно, так тепло и бережно смотрит Махатма?! Чьей души касается «зрительное осязание» этого Взгляда?! Перед кем Его Дух смог, не опасаясь, открыть столь потаенные сокровища Луча своего Сердца?!

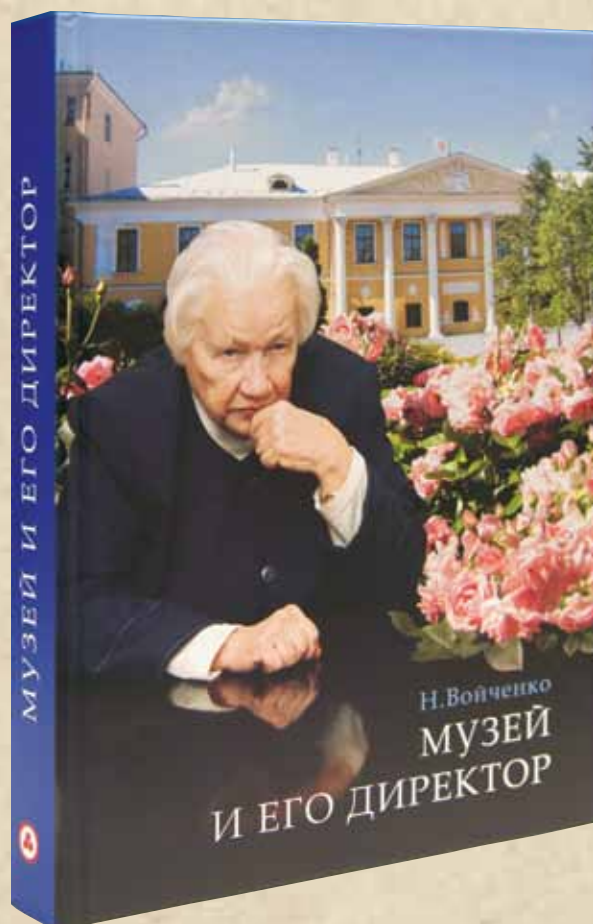
Фотопортрет Святослава Николаевича работы Людмилы Васильевны – уникальный документ, неопровержимое свидетельство резонанса вибраций Сердца Махатмы и нашей героической соотечественницы, реализовавшей среди разломов XX века Его за-мысел Центра-Музея Рерихов в Москве.

Наконец, серия фотографий Людмилы Васильевны, которую можно определить как «зрелость». Все духовное богатство, данное ей Природой, сохранено – но как преумножено!

Фотопортрет в главе «Русские начала, русские и должны продолжить». Остался в юности открытый, заразительно веселый смех. Свет и сила всеобнимающей улыбки сквозят сейчас через цифровые коды фотоизображения.

Черно-белый портрет, открывающий третью часть книги «Труды и дни Музея имени Н.К. Рериха», полон значительности и скрытой, сдержанной экспрессии. Неколебимое достоинство, незыблемое равновесие, внутренняя углубленность во взгляде и обращенность вовне скупого минималистского жеста не только цементируют пространство снимка, но и выходят далеко за его границы, к нам, в пространство зрительского восприятия.

Наконец, две знаковые фотографии: открывающая и завершающая книгу. На первой – Людмила Васильевна с только что приколотым к светлому пиджаку орденом Дружбы и щедрой россыпью белых роз на аванплане. От мудрости

как знания, в котором бесконечно много печали, разлитой во взоре, полуулыбке, в общем благородном бело-зеленом тоне портрета, щемит, сжимается сердце.

На последнем снимке, сделанном в МЦР во время конференции «80 лет Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха», Людмила Васильевна энергичным, свободным жестом поднимает вверх сборник статей Н.К. Рериха «Сердце Азии», только что изданный в Испании. Она словно адресует книгу в некие пространства – поверх очевидности. На переднем плане – декоративная красная драпировка подаренной МЦР шкатулки. За спиной – фрагмент панно с уступами Гималайских твердынь, подымающихся от земли к снеговому вершинам. Как и жест, взгляд Людмилы Васильевны обращен не только к нам, сегодняшним, – это прямой разговор с Теми, Кто замыслил Музей, создал его Образ, Кто сказал ей: «Спасибо Вам за то будущее, которое Вы несете».

Между этими двумя фотографиями – Путь! Жизнь героя Культуры. Между ними высится построенный Центр-Музей – зерно будущей эволюции. Между ними – харизма, магнит Духа нашей современницы, несущий нам отблески того Великого Космического Магнита, о котором торжественно говорит Живая Этика.

И это – фанфары!

Ксения Петрова

Страноведение: современная Индия

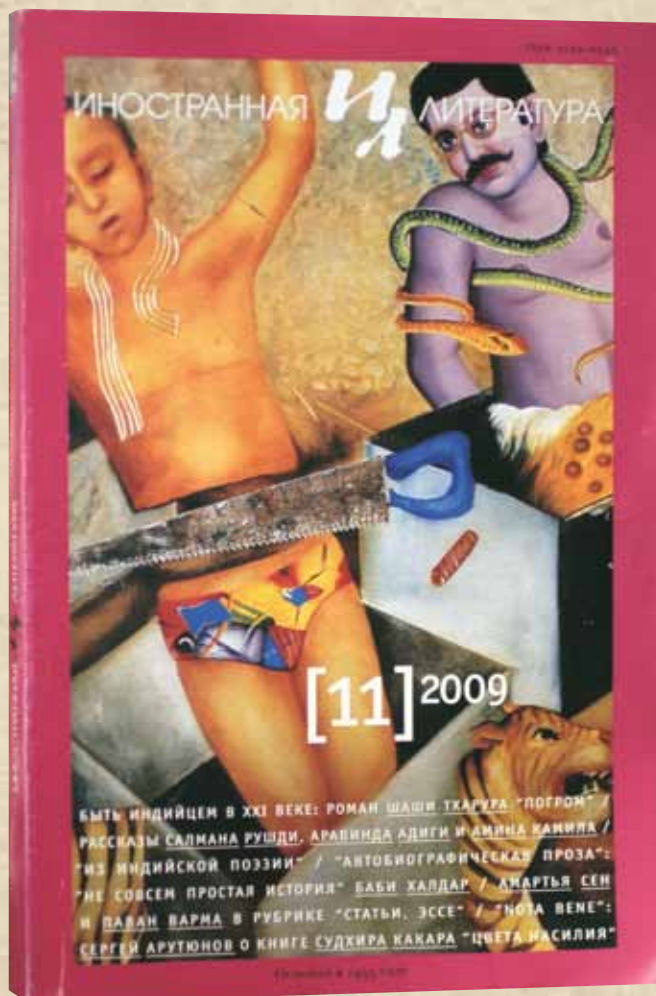
Журнал «Иностранная литература», № 11, 2009

«**Б**ыть индийцем в XXI веке» – под таким заголовком в конце 2009 года – Года Индии в России вышел тематический номер литературно-художественного журнала «Иностранная литература». Этот выпуск подготовила переводчик, индолог М.Л. Салганик в сотрудничестве с индийским дипломатом и писателем Паваном Вармой, при поддержке посольства Республики Индия в России.

«Земля грез и романтики, неслыханного богатства и небывалой нищеты, роскоши и бедности, дворцов и лачуг, духов и исполинов, ламп Аладдина, тигров, слонов, кобр и джунглей; страна сотен народов и языков, тысячи религий и двух миллионов богов <...> Это колыбель людской расы, место рождения человеческой речи, мать истории, бабушка легенды, прабабушка традиции» – так писал в конце XIX века о своей поездке в эту страну Марк Твен. Приподнять покрывало, скрывающее от нас Индию сегодняшнюю, рассказать о переменах, происходящих в этой стране в последние годы, о сложностях, сопутствующих этим переменам, – задача, которую поставила перед собой М.Л. Салганик. Именно такой задачей была обусловлена концепция отбора материалов – выбор сделан в пользу non-fiction – текстов, основанных на реальных событиях и фактах, раскрывающих неожиданные стороны жизни современной Индии.

Открывается журнал «Обращением к российскому читателю» Чрезвычайного и Полномочного Посла Индии в РФ г-на Прабхата Шуклы, который считает его выход значительным вкладом в празднование Года Индии и выражает надежду, что знакомство с новой индийской литературой пробудит и повысит интерес российских читателей к самой Индии: «Современные индийские писатели касаются таких актуальных тем, как перемены в стране, которая сегодня из деревенской и отсталой становится урбанистической и высокоразвитой, как сложности социального и экономического развития, как проблемы распространившейся на многие страны и континенты индийской общины за рубежом».

Один из наиболее острых вопросов в Индии сегодня – отношения между индусской и мусульманской общинами. Разобраться в мотивах, движущих радикально настроенными индийцами, предлагает роман «Погром» индийского про-

заика и публициста, государственного деятеля (в настоящее время он занимает пост министра иностранных дел Индии), лауреата нескольких международных литературных премий Шаши Тхарура. Сюжетная линия произведения разворачивается в городке Залилгарх, расположенном в наиболее экономически отсталом индийском штате Уттар-Прадеш. Параллельно описываются реальные события 1989 года, происходившие вокруг мечети Бабур масидж в Айодхье, на месте, где по преданию родился Рама.

Во время индо-мусульманского погрома убивают двадцатичетырехлетнюю американку Прициллу Харт, волонтера неправительственной организации. Из Америки приезжают ее родители и репортер одной из американских газет. Вместе с местной полицией они пытаются восстановить цепь событий, предшествовавших гибели девушки. В центре романа – отношения Прициллы и Лакшмана, прогрессивного местного чиновника. В их переписке показаны разные взгляды американки и индуса на религию, политику, взаимоотношения между мужчиной и женщиной. «На Западе считается, что любовь кончается браком, поэтому там столько браков приходит к концу, когда умирает любовь. В Индии же знают, что семейная жизнь приводит к любви <...> любовь продолжает жить даже после смерти одного из супругов...»

Публицистический стиль повествования – вырезки из газет, письма, телеграммы, дневниковые записи, интервью – позволяет автору с разных позиций рассказать о причинах общественных разногласий в Индии: языковых, региональных, кастовых, классовых и религиозных. Шаши Тхарур возлагает свои надежды на индийскую демократию, как на возможный выход из кризисной ситуации: «...мы выдали путевки в мечту, в мечту о невероятной, многоязыкой, многоцветной, многоконфессиональной стране. Со временем демократия решит проблему сикхов в Пенджабе и даст единственно правильный ответ, который удовлетворит индийских мусульман».

Об изменениях, произошедших в индийском обществе, рассказывает в эссе «Великий средний класс» и «Что такое быть индийцем» писатель-дипломат Паван Варма: «...сегодня этот средний класс, по всей видимости, уже понимает, как играют на чувствах верующих политические партии. <...> Я могу подтвердить свою правоту простым примером: сравните, как отреагировал средний класс на взрывы в Мумбаи в 1993 и 2003 годах. В 1993 году индусские и мусульманские общины мгновенно превратились в два враждующих лагеря, а насилие продолжалось еще много дней спустя после катастрофы. В 2003 году и индусские,

и исламские организации резко – и без промедления – осудили эти подлые провокации, а в очереди, чтобы сдать кровь для раненых, стояли вместе и индусы, и мусульмане. На следующий же день Мумбаи вернулся к жизни...»

Эссе Павана Вармы – самый захватывающий и увлекательный материал специального номера «Иностранки». В последние двадцать лет, после экономических реформ 1991 года, численность индийского среднего класса в Индии резко выросла, – по разным подсчетам, он составляет от трехсот до четырехсот миллионов человек, в два раза больше, чем все население России. В эссе проведен подробный анализ этой главной действующей силы современного индийского общества и факторов, повлиявших на его формирование. «Один из признаков нынешнего среднего класса, бросающийся в глаза, – беспрецедентно высокий потенциал “сконцентрированной” человеческой энергии. В основе его – предпринимательский талант и умение много и упорно трудиться, в которых индийцы почти не знают равных. Несмотря на то, что они любят, когда иностранцы приписывают им некую духовную ауру, на самом деле это изобретательные и выносливые предприниматели, которые прочно стоят на земле и, не отрываясь, смотрят в бухгалтерские книги». По мнению Павана Вармы, слово «консюмеризм» для среднестатистического индуса сегодня «перестало быть ругательным, а от принципов строгости и самоограничения Махатмы Ганди или социализма Джавахарлала Неру откристились окончательно». Но в то же время он не склонен и упрощать проблему: «Индийцев не измерить единой меркой. Индийское общество не теократическое, но и не безрелигиозное. Индийцев слишком много, чтобы их можно было сбросить со счетов, но вместе с тем они слишком другие, чтобы можно было применить к ним принятую систему оценок».

Конституцией Республики Индия признается 22 официальных языка, и не существует на свете «человека, который бы знал все языки Индии <...> Нам хотелось представить как можно больше национальных литератур, поэтому переводы делались преимущественно через английский язык», – говорит Мириам Львовна Салганик. В специальный выпуск «Иностранки» вошли стихи индийских авторов, пишущих на разных языках, – поэта и общественного деятеля Ашока Ваджпейи (хинди); поэта и киносценариста, лауреата премии «Оскар» Гульзара (хинди, урду, английский); поэтов А. Джайяпрабха (телугу), Сукумарана (малаялам), Гагана Гилла (хинди и пенджаби), Джоя Госвами (бенгали), Юмлембам Ибомча Сингха (манипури).

Бенгальский язык представлен документальной прозой «Не совсем простая история». Автор – Баби Халдар – полуграмотная женщина, впоследствии описавшая историю своей жизни, рассказывает о судьбе девочки из бедной семьи: «Так мы и жили, и не успела я оглянуться, как до моего тринадцатого дня рождения остался всего месяц. <...> Выйдя во двор, я увидела чемодан. На вопрос, что в нем, папа ответил: вещи на свадьбу». Баби рассказывает о мире, где женщина – бессловесное покорное существо; подвергаемая издевательствам и насилию со стороны мужа, она, согласно обычаям и законам социума, во всем обязана подчиняться ему. Повесть трогает своим наивным языком, искренностью и заставляет задуматься о судьбах сотен тысяч индийских женщин, находящихся в таком положении и сегодня.

Эту тему продолжает статья востоковеда Бориса Волхонского «Одна жизнь в разных жанрах» о книге Малы Сен «Царица бандитов Индии. Подлинная история Пхулан Деви». События книги разворачиваются на юге штата Уттар-Прадеш, неподалеку от штатов Раджастан и Мадхья-Прадеш, где «в сознании людей, и в повседневной жизни до сих пор сильны кастовые пережитки, с рождения определяющие границы того, что дозволено и не дозволено каждому». Героиня книги, предводительница банды, отсидев свой срок в тюрьме, была избрана депутатом парламента, а незадолго до своего 38-летия застрелена на пороге собственного дома.

Зарисовки жизни простых индийцев можно найти в рассказах самого молодого лауреата Букеровской премии Аравинды Адиги («Батарея Султана») и пишущего на языке кашмири Амина Камила («Петушиный бой»). Рубрика «Среди книг» знакомит нас с еще одним букеровским лауреатом, Киран Десан. Тема ее романа «Наследство разоренных» – постколониальный мир с его проблемами и комплексами. Анализ проблемы исламо-индуистского противостояния содержит статья российского этнолога и археолога Сергея

Арутюнова «Вражда без конца и краю» (о книге индусского психоаналитика Судхира Какара «Цвета насилия»). В рубрике «Письма из-за рубежа» – взгляд журналиста и публициста Сергея Строканя на древний священный город Бенарес.

В рубрике «Наши приоритеты» руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения РАН Т.Л. Шаумян беседует с директором издательства «Восточная литература» С.М. Аникеевой о переводах индийской классики, новых проектах «Сахитья академи» (Литературной академии Индии), фундаментальной энциклопедии «Индийская философия» – самом полном своде знаний от древности до наших дней – и других изданиях об Индии на русском языке.

В номере также представлены материалы о жизни выдающихся граждан Индии XX столетия. Это «Серебряный век и Индия» Татьяны Загородниковой о миссии индийского музыканта, философа и суфии Инаята Хана в христианском мире по сближению Запада и Востока и его поездке в Россию в 1913 году; статья Амартья Сена «Тагор и его Индия» о нобелевском лауреате, писателе и мыслителе Рабиндранате Тагоре, о схожести и расхождении его жизненных взглядов и позиций с концепцией другого великого индуса – Махатмы Ганди. Мириам Салганик рассказывает об одной из самых известных художниц Индии, «культовой фигуре индийской интеллигенции» Анджели Эла Менон. Журнал печатает интервью с лауреатом Букеровской премии и обладателем приза «Букер Букеров», писателем, приговоренным радикальными исламистами к смертной казни, Салманом Рушди и его мистическую сказку «Прибежище мира» об императоре Акбаре, в гареме которого жила его выдуманная любимая жена.

Литература Индии, как и ее культура, поистине необъятна, и в тематическом номере «Иностранки» представлена лишь крошечная ее часть, но и она способна перевернуть все представления российского читателя о современной Индии.

А.Н. Королёва

Спрятанный в истории

О книге В.В. Задерацкого «Per aspera...»*

«Эта книга о моем отце – композиторе и литераторе Всеволоде Петровиче Задерацком. Одновременно это книга о его времени – самом необыкновенном периоде в исторической биографии нашего отечества, о времени, полном трагедийного напряжения, грандиозных свершений, великих надежд и еще более великого насилия, о времени посправа личности и сопротивления Духа, о времени, ставшем причиной грядущего крушения империи».

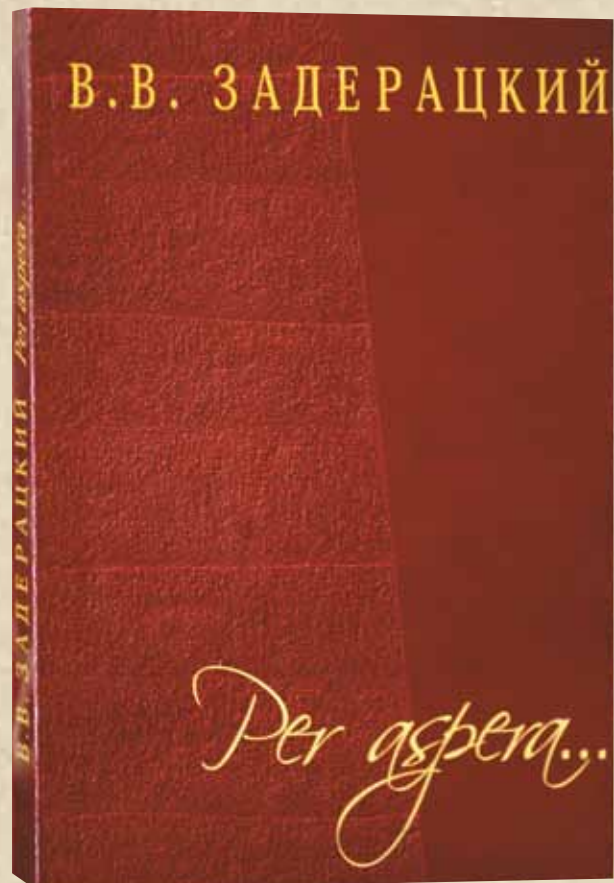
Таковыми словами открывается удивительная книга профессора Московской консерватории Всеволода Всеволодовича Задерацкого «Per aspera...». Удивительная потому, что этот предельно документальный рассказ, несмотря на всю его трагичность, вдохновляет читателя, согревает душу и зовет к звездам *per aspera*, через тернии нового времени...

Концерт-презентация книги состоялся 15 октября 2009 года в Органном зале Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М.И. Глинки.

Сегодня Всеволод Петрович Задерацкий (1891–1953) наконец-то признан выдающимся композитором, пианистом и литератором XX века. Презентуя свой труд, его сын сам себе задал вопрос: «Почему я решил написать книгу спустя столетие после смерти отца и уже на склоне собственных лет?» Дело в том, что герой книги был намеренно спрятан в истории. Только в XXI веке стали извлекаться из небытия его рукописи и началось стихийное узнавание его наследия. Первые робкие концерты, без уточнения кто такой В.П. Задерацкий, пробудили интерес музыкальной общественности к этому имени. Им заинтересовались в Англии, Франции, в США и больше всего в Германии – там вышел компакт-диск «Прелюдии. Шостакович. Задерацкий» и готовится к выходу второй компакт-диск, уже вокальный. «Вот поэтому я решил написать книгу, именно потому, что возник такой международный общественный резонанс».

Перипетии судьбы композитора невероятны. Его отец, Петр Андреевич Задерацкий, происходил из бедной мещанской среды, а потому мальчику в детстве пришлось побыть подмастерьем сапожника, грамоте он выучился у дьячка и пошел работать на железную дорогу, а там уж... дослужился до управляющего системой Юго-Западных железных дорог. «Человек большой эрудиции, крупный специалист в своей области, тонкий знаток литературы, автор книг, прекрасный оратор, профессор Киевского политехнического института до конца своей жизни страдал от отсутствия дипломов» – так писал о своем отце В.П. Задерацкий. В книгу «Per aspera...», которую написал внук, вошли фрагменты воспоминаний деда и отца.

Мать В.П. Задерацкого, Мария Павловна (урожд. Мелешкевич-Бжозовская), происходила из обеднев-

* Задерацкий В.В. «Per aspera...». М.: Композитор, 2009

П.А. Задерацкий, отец композитора

ших дворян. К моменту рождения сына семья жила уже вполне благополучно, в достатке и уважении, так что Всеволод мог одновременно учиться и в Московском университете, на юридическом факультете, и в Московской консерватории, которую не окончил, потому что началась Первая мировая война и он был призван на военную службу.

Южный фронт, контузия, Западный фронт, революция... В.П. Задерацкий становится офицером Деникинской армии, в 1920 году попадает в плен. В комнате, где его содержат, стоит пианино, он всю ночь играет, и оказывается, что рядом за стеной всю ночь работает Дзержинский, который наутро подписывает бумагу о даровании пианисту жизни и определении ему места жительства, то есть ссылки.

Сослали в Рязань. Здесь, в Рязанском художественно-музыкальном техникуме, под руководством В.П. Задерацкого начинают свой творческий путь Клавдий Птица и Вера Васина-Гроссман... В 1922-м – снова арест. Выпустили через два года. В 1926-м снова арестовали. Все написанное им было уничтожено. А ведь композитору уже 35 лет! В 1928 году его выпускают, разрешают приехать в Москву, но лишают паспорта. Спустя четыре года лишенца высылают в Ярославль (здесь его учеником был Вениамин Баснер). В 1936 году его восстанавливают в правах, а в 1937-м – снова арест и колымские лагеря. Поразительно, но нигде в официальных документах Всеволода Петровича Задерацкого не значится, что он когда-либо находился в заключении! Даже колымские годы отмечены как трудовой стаж в Ярославском музыкальном

М.П. Задерацкая, урожденная Мелешкевич-Бжозовская, мать композитора

училище. Власть, верша насилие над творческой личностью, одновременно пыталась скрыть свое преступление.

Чем же так досаждал ей этот человек? Ф.Ф. Платов, друг юности В.П. Задерацкого, потомок графа Платова, знаменитого казачьего атамана, героя войны 1812 года, оставил письменное свидетельство. По его мнению, «Всеволода большевики преследовали не за то, что он воевал в армии Деникина. Это было сброшено со счетов, его преследовали за то, что он в 1915–1916 годах был музыкальным воспитателем наследника царского престола цесаревича Алексея, сына Николая II».

Вот так странно отметила судьба на редкость одаренного человека, всю свою жизнь творившего и питавшего надежды на общественное признание. Несмотря на членство в Ассоциации современной музыки, а позднее в Союзе композиторов СССР, В.П. Задерацкий так ни разу и не имел возможности публично показать свое творчество или издать свои сочинения.

Говорят, характер – это судьба. Будучи с раннего детства одаренным музыкально, он сразу же вознесся на такие вершины общения, которые соответственно определили и масштаб его надежд, и вектор устремлений, и ту художественную и нравственную планку, которую он не позволил себе опустить ни при каких обстоятельствах. В Курске он учился у А.М. Абазы, что стало наилучшей рекомендацией для поступления в Московскую консерваторию, где С.И. Танеев сам выбрал его в ученики. Благодаря влиятельным родственникам Всеволод Петрович был близок к царской семье,

не раз встречался с князем Феликсом Юсуповым и его кругом, где велись философские разговоры, которые не могли не сказаться на формировании гражданской позиции молодого человека. В музыкальном мире круг его общения составляли, кроме Танеева, М.М. Ипполитов-Иванов, Г. Пахульский, А.Н. Скрябин, в литературном мире – Александр Блок, Константин Бальмонт, Игорь Северянин, Валерий Брюсов, Николай Асеев. Такое общение не могло не вызвать жажды творческой реализации. У Всеволода Петровича она была чрезвычайно выражена; сын вспоминает, что отец все время работал и если не писал ноты, то писал литературные произведения.

Несчастья суть крылья наши, они для пробуждения нам посылаются. Человек родился – он нужен миру, так считал Н.В. Гоголь. Несчастий Всеволоду Петровичу Задерацкому судьба отмерила с лихвой. Даже в колымских каторжных лагерях, не имея под рукой инструмента, он на телеграфных бланках и случайных листках оберточной бумаги записал самое монументальное свое сочинение – полный цикл фортепианных прелюдий и фуг (их 24) во всех 24 тональностях. «После Томазо Кампанеллы человечество, пожалуй, ничего подобного не знало». 24 прелюдии и фуги – «первый успешный опыт воссоздания барочного жанра в европейской практике XX столетия». В.П. Задерацкий опередил Пауля Хиндемита, который завершил свой «Ludus tonalis», охватывающий 12 тональностей, только в 1940 году. А Д.Д. Шостакович и вовсе напишет свои знаменитые 24 прелюдии и фуги лишь в 1953-м. И после этого жанр станет объектом внимания многих, знаковым для музыки XX века. Конечно, опыт Задерацкого (в силу его спрятанности во времени) не мог оказать влияния на движение мировой музыкальной мысли, но поражает факт предвидения им того, что до него еще никто не распознал!

Что еще нового, необычного, культурно значимого привнес он в искусство? Технику, манеру, стиль?.. Искусство можно измерять силой его эмоционально-экспрессивного воздействия на слушателя. Всеволод Петрович Задерацкий был апологетом неоромантизма, то есть романтизма, рожденного в новых обстоятельствах, в иной системе образов, записанного иным музыкальным языком. Он писал квази- и неоромантические произведения, сочетая романтическую тенденцию с конструктивистской. Некоторые его сочинения носят характерные названия: «Авто», «Карусель», «Конная армия», «Завод» – живая биография партитуры этих сочинений началась только в 2005 году по инициативе известного пианиста Николая Сука, живущего в США. Отмечая привязанность отца к Серебряному веку русского искусства,

стремление к новациям, к поиску новых красок, символов, значений, к обретению новой художественной речи и новых «грамматических опор», сын реконструирует здание его жизни, приводит в книгу ноты и дает детальный анализ сочинений, предполагая, что Скрябин был для отца кумиром еще в студенческий период. До конца своих дней В.П. Задерацкий сохранил связи с русским музыкальным модернизмом, с так называемым русским авангардом первой волны. Кажется, оригинальным быть несложно. Будь самим собой. «Однако более опытные в этом вопросе люди понимают, что именно для того, чтобы в полной мере проявилась оригинальность, нужна школа, высокое образование, принадлежность к традиции».

В.П. Задерацкий. Дружеский шарж. Неизвестный художник. Магадан, 1939

После Второй мировой войны жизнь В.П. Задерацкого складывалась относительно благополучно. Украина его приветила. Но жить ему оставалась уже не долго, сердце устало страдать. Изломанная жизнь творца отразилась и на посмертной судьбе его сочинений. Тень Персефоны по-прежнему владела тем, что создал, чем жил этот композитор. «Никто не интересовался его архивом, мой робкий голос о красотах его музыки был неслышен, – рассказывает В.В. Задерацкий. – Но это же сын, говорили, кто же ему поверит, ему и полагается нахваливать отца! Наконец, через 25 лет в Москве я встретился с замечательным композитором, профессором Валерием Киктой. “Слушай, твой отец родом с Украины, а мне нужна украинская музыка. Принеси”. Я принес “Поэму о русском солдате”, написанную отцом по поэме Твардовского “Василий Теркин”, и сказал: “Это не украинская тема, и мой отец всегда считал себя русским композитором”. Кикта ответил: “Это неважно”. “А композитор?” “А мы ничего не будем писать о композиторе”. Словом, получилось так, что музыкальная общественность решила, что это мое произведение. После исполнения “Поэмы” в Ленинграде я получил кучу писем с одним вопро-

сом, нет ли у меня еще таких же интересных сочинений, которые мои адресаты хотели исполнить».

Книга «Per aspera...» – одна из тех, которые еще раз убеждают, как важно оставлять воспоминания, письменные свидетельства о времени, в котором жил человек. Подробные детали жизни ушедших лет, гражданская позиция, все это – родовые черты; такие упражнения развивают наблюдательность, помогают сохранять ясность ума, память, воспитывают следующие поколения. Книга написана человеком думающим, остро, с интересом воспринимающим жизнь, анализирующим события своего времени и себя в нем. Эта культура письма дается самовоспитанием, и, конечно, гены помогают.

Автор вызывает читателя на внутренний диалог с самим собой, направляет к осознанию истины и пониманию, что «искусство – страна спасения, куда скрываешься от мерзости реалий бытия». Высота мыслей и чувств Всеволода Петровича Задерацкого, высказанных и в музыкальных сочинениях, и в литературных опусах, и в гневных письмах тем, кто мешал ему жить и творить, все это, собранное в книге, рисует образ ментальности его времени и служит хорошим предупреждением,

В.П. Задерацкий. Ярославль, 1947

напоминая о «неизжитых страхах» тоталитарного прошлого.

«Per aspera...» – издание раритетное, всего 1000 экземпляров, такие, как правило, издаются за свой счет – низкий поклон тем, кто решается на подобный подвиг, открывая миру забытые и намеренно спрятанные страницы истории. Книги эти, в частности, – ответ на вопрос о гибели русской культуры. Да погибла ли она? Нет! Ее убивали, но были и всегда будут те, кто сопротивляется, кто отстаивает не только свою личную физическую жизнь, но и культуру.

Как известно, «судьба продает дорогого то, что она обещает дать» (Гельвеций). И не даром главная тема книги, как и жизни ее героя, – тема креста. Очень тонко, штрихом обозначены лирические переживания автором своей судьбы на фоне судьбы отца, родных людей. Эти судьбы – как огоньки в степи беспросветного мрака. Спрятанные во времени, они никуда не исчезли – это мы порой спим, окутанные майей незнания, ленивого невежества и ложных принципов.

Книга написана деликатно, в ней нет болезненности, которую можно было бы оправдать, ведь сын пишет о драматической судьбе отца. Автор умеет приподняться над ситуацией, он говорит о главном, о наследии крупного человека, он объективно свидетельствует: вот литературные воспоминания деда и отца, вот ноты, вот профессиональный анализ сочинений, а вот их длинный перечень в конце книги и отзывы прославленных коллег по цеху... И через десятилетия забвения мы испытываем радость неожиданного знакомства с ярким именем, с человеком, дающим нам пример достойного отношения к делу всей жизни. Творчество отца спустя годы усилиями сына обрело высоту полета. Исполнен духовный подвиг. «Композитору удалось достичь свершившегося художества, способного существовать в расширяющемся пространстве истории».

В концерте-презентации прозвучали произведения В.П. Задерацкого: 11 прелюдий из цикла «24 прелюдии для фортепиано», вокальный цикл «Гротеск Ильи Сельвинского», романсы, Камерная симфония для девяти музыкантов. Их исполнили дипломант международных конкурсов Александр Райхельсон (фортепиано), лауреат международных конкурсов Дмитрий Орлов (бас-баритон), Евгения Канаш-Фонберштейн (фортепиано), Ярослав Абаимов (тенор), Алексей Неклюдов (тенор), ансамбль студентов Академического музыкального колледжа при Московской консерватории (руководитель – народный артист РФ, профес-

сор Московской консерватории Рафаэль Багдасарян).

В рамках вечера состоялась церемония передачи архива Всеволода Петровича Задерацкого Музею имени Глинки; был представлен диск «Прелюдии. Шостакович. Задерацкий», выпущенный немецкой фирмой «Naenssler».

«Он оставил нам феномен своего “жизнетворчества”, – говорит сын об отце. – Вся его жизнь – это опыт преодоления и образ несгибаемой воли. “Себя хочу, к себе лечу!” – мог бы он воскликнуть словами Мандельштама. Этот “полет к себе” он осуществил. Но еще более он хотел обратиться со своим поэтическим словом к людям. Понимая, что в этом ему отказано, он с упорством маньяка, будто зная, что наступит его час, продолжал свой “труд вопреки”. Он любил повторять строку из романса, написанного им на слова Брюсова: “Что ж пряжу мгновений теперь, как вначале, / Еще мы упорно стараемся прясть? / Совется желаемой нити – едва ли / Десятая часть!”».

Но он твердо знал: чтобы достичь хотя бы этой десятой части, следует каждый день ощущать как драгоценный подарок судьбы, позволяющий еще раз «взлететь к себе». Вот почему на его могильной плите значатся слова, которые он постоянно вывешивал на стене своего жилища, где бы оно ни находилось: «Nulla dies sine linea. Per aspera ad astra» – «Ни дня без строчки. Терез тернии – к звездам».